

Кризис жанра

Концерт Давида Герингаса остался до конца

НЕПОНЯТЫМ

Варвара Турова

VIP-концерт – особый жанр. Ему свойственны: сложность с попаданием внутрь, если ты – не Very Important Person, роскошь фуршета и интерьера, блеск нарядов и улыбок в зале и, главное, программа концерта, которая, грубо говоря, не может не понравиться. Ничего плохого в этом жанре нет. Другое дело, что козь уж ты взялся за него, то выдерживай до конца.

Концерт знаменитого виолончелиста, одного из любимых учеников Мстислава Ростроповича, Давида Герингаса в концертном зале Павла Слободкина, усердно рекламируемый последний месяц во всех СМИ, оказался невразумительным средним между обещанным VIP-концертом и музыкально-эстетским – с премьерными сочинениями.

Невыносимо «шикарный» зал (ярко-синяя стена, ярко-бордовая стена, зеркальная стена, огромные уродливые вазы по углам), непривычно вежливые охранники («Приятного вам вечера», – говорили они уже прямо перед входом), фуршет для избранных после концерта – все это говорило о светскости мероприятия.

С другой стороны, произведения современного латышского композитора Петериса Вакса и Альфреда Шнитке повергли большую часть публики, мягко говоря, в некоторое недоумение. К тому же выстроен концерт был довольно странно. После премьерной пьесы «Виаторе» для струнного оркестра Вакса Давид Герингас сыграл Домажорный концерт Гайдна. Исполненный безупречно оркестром и гораздо менее качественно солистом концерт сменили Три пьесы-фантазии для виолончели и фортепиано Шумана.

Вот это-то, пожалуй, и стало самым удачным номером концерта. По крайней мере пьесы вызвали волну приятных эмоций в зале. «Красивенькая» музыка Шумана, к тому же исполненная качественно и даже с некоторым блеском, неподготовленной публике не понравиться просто не могла. Однако, копнув глубже, можно было заметить, что Шуман отчищен не только от недостатков, но и от каких-либо признаков искренности. Словно ошпарен кипятком. Романтические, живые, порывистые пьесы заблестели самоварным золотом – жирным, гладким и невыносимо фальшивым.

Не успела публика расслабиться, как супруги Герингас нанесли ей неожиданный удар – Эпилог из балета «Пер Понт» Шнитке для виолончели, фортепиано и хора, записанного на пленку.

Светский лев Давид Герингас.

Фото Михаила Циммеринга (ИГ-фото)

С самого начала, в громкоподобном фортепианном вступлении, публика, испугавшись, притихла. Страшно стало, в том числе и за инструмент. Казалось, еще мгновение, и струны со звоном порвутся, клавиши выпадут, и рояль вообще разлетится на куски. Однако вскоре вступил хор. После грохочущего в низком регистре рояля зал наполнили высокие голоса, тянущие один прекрасный аккорд. Однако это счастье было недолгим. Вступившая виолончель как бы нарушила монолог хора, и все оставшееся время хор звучал фоном. Про такое в субтитрах к фильмам пишут: «Звучит напряженная музыка». Музыка была напряженной настолько, что, будь она хоть на минуту длиннее, публика начала бы, наверное, просто покидать зал. Слава богу, этого не произошло. Но без неприятностей все равно не обошлось. Подобно тому как самый пронзительный момент телефильма бестактно прерывают рекламой дезодорантов, стиральных порошков и пива, так в заключительный, тихий, словно балансирующий где-то под куполом момент «Эпилога» вмешался бодрый веселенький телефонный звонок. Публика, наконец, выдохнула и недо-

вольно зашелестела, хотя в глубине души многие, наверное, были рады избавлению от нарастающего напряжения.

На бис maestro Давид и Татьяна Герингас исполнили «Песню любви» Брамса – и снова пластмассовый, фальшивый привкус. Скорее всего дело в том, что сыграть одинаково удачно в течение двух часов в Гайдна, и Шнитке, и Брамса – задача не из легких. Слишком разные настроения. Слишком разные ощущения должны возникнуть у исполнителя. Очевидно, что какой-либо из композиторов будет по-актерски «сыгран». Он не будет прожит. В данном случае такая неприятная история произошла с романтиками – Шуманом, Брамсом и Сен-Сансом (последний бис – «Лебедь»). Другое дело, что актерская игра была на высоте, публика была довольна. Иногда случается, что маленькое и блестящее принимаешь за большое и светлое. Особенно если последнего никогда не видел.

Намного менее понятных, «красивых», но зато несравнимо более удачно сыгранных Шнитке и Вакса зал, кажется, просто пропустил мимо ушей. А жаль. Это-то как раз и было тем самым «большим».

Неправильная программа